

84Р6
А 72

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

СЛОНИХА ЛЯЛЬКА

Издательство
«Мелник-
Пашаев»

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

СЛОНИХА
ЛЯЛКА

Рисунки Игоря Кононова

Москва

Издательство «Мелик-Пашаев»

2016

Я

1

расскажу вам, ребята, одну цирковую историю. Это история про заболевшую слониху, старую мою приятельницу. Я расскажу вам про то, как она заболела и как я её вылечил, потому что я её крепко любил и уважал, она была для меня дороже старого друга. Во всяком случае, не хуже. Мы давно с ней дружили, а потом расстались, как мне казалось, навек. Но жизнь иногда устраивает необычайные чудеса и фокусы, и смотришь, через пять лет разлуки снова встречаешь старого товарища и, как ни странно, только тогда начинаешь понимать, что он тебе по-настоящему дорог и мил, и какой он добрый и славный, и ты коришь себя тысячу раз, говоришь себе, что вот ты его уже стал забывать.

А разве это красиво — забывать друзей? Разве это хорошо? Разве тебя этому учили старые отец и мать? Нет, они

не могли никогда научить тебя подобным делам и поступкам, потому что они были старые потомственные цирковые артисты, а у цирковых артистов особенно крепко развито чувство товарищества и долга.

И теперь, когда моих родителей давно уже нет на свете, а я и сам почти что старый, меня все так и зовут — старый клоун. Это ещё и потому, что я придерживаюсь старого репертуара, вернее, не старого, а старинного, но уж зато по-настоящему смешного. Дети очень любят такие, испытанные годами, клоунские номера. А я всю жизнь учился только такие номера показывать, и научился в конце концов.

Теперь, когда шпрыхштальмейстер выходит и объявляет в цирке: «А сейчас выступает Николай Ветров, старый клоун», и ребята сейчас же начинают хлопать в ладоши и подпрыгивать на месте, и я выхожу на манеж, и они все ужасно галдят, и долго не успокаиваются, и я под конец снимаю перед ними шляпу, строю уморительную гримасу, расклани-

ваюсь на все стороны и объявляю смешным голосом: «Добри вечер! Драсьти!»

И они усаживаются, и можно начинать показывать что-нибудь смешное!

Это всё очень интересно, всегда, в каждом городе, на каждом представлении. Я это всё объясняю так долго затем, чтобы вы поняли, как я люблю своё дело, зрителей, маленьких зрителей особенно, этот шелковистый звук ребячьих рукоплесканий. И цирк люблю с музыкой, и артистов в парадных костюмах, и цирковых животных. А как же?

И вот однажды, когда я уже выступил и попрощался с ребятами и оркестр заиграл такую музыку, чтобы ребята в такт хлопали все вместе, я вышел в наш цирковой буфет. Мне очень хотелось пить. И вот стою я и пью «сердитую водичку», она холодная и покалывает язык, её все ребята любят, и есть такие удальцы, что по пять бутылок выпивают. И в это время подходит ко мне старый цирковой работник Панаргин, он

работает помощником у дрессировщика Русакова. Он ещё издали помахал мне рукой в знак приветствия. Я ответил и показал глазами: мол, иди ко мне. Высокий и медлительный, он быстро подошёл ко мне и сунул для пожатия свою шершавую руку. Лицо у него было в крупных, сползающих книзу морщинах, выражение глаз, красных и воспалённых, тревожное. Я спросил его:

— Что с тобой?

— Плохие дела, брат, — сказал Панаргин мрачно.

— Говори скорей!

— Лялька болеет, а Русакова нет.

— А где же он?

— Завтра объявится. Нужно же ему было лететь самолётом! Теперь сидит в Целинограде. У них там, видите ли, нелётная погода.

— А что с Лялькой?

— Болеет. Ну, не знаю, вид плохой. Стонет... Пойдём посмотрим.

Я сказал:

— Пошли.

— Будь другом, — обрадовался Панаргин, — сделай милость. Ум хорошо, а два — сам знаешь... Стоит, не ест... Беда на мою голову...

— Бежим! — сказал я, выгрызая зёрнышки из яблока. — Таисия Сергеевна, — я обернулся к буфетчице, — заверните мне булочек десяток!

Буфетчица кивнула головой.

— Я не за себя, — сказал Панаргин, — ты не думай. Ляльку жалко. Ведь она какая артистка! Безотказная! Разве она слон! Золото она, а не слон!

— Не канючь! — сказал я. — Сейчас поглядим. Пойдём!

Я взял у буфетчицы пакет. Он был полон.

И мы пошли в конюшню.

2

Да, конечно, слониха была больна. Панаргин не ошибся. Она стояла в дальнем углу конюшни, недалеко от дежурной лампочки. Она была прикована тяжёлой цепью к чугунной тумбе. Глаза её были прикрыты, длинный безжизненный хобот уныло опущен до самого пола. Она была похожа на огромный серый холм, покрытый редкими травинками волос, на африканскую хижину, стоящую на четырёх подпорках-столбах. Тяжёлая её голова и огромные уши, похожие на шевелящиеся пальмовые листья, маленький хвост — всё это выглядело усталым, обвисшим и хворым.

Я подошёл к ней спереди, прямо со лба, держа в руке открытый пакет со свежими булочками, и протянул его ей. Я был рад её видеть. Я сказал ей негромко:

— Лялька!

7

Она чуть шевельнула ушами и медленно переступила передними ногами, потом открыла свой человеческий грустный взгляд. Давненько мы не виделись с ней. Давненько, что и говорить, и вполне можно было позабыть меня, выкинуть из головы и сердца. Но тогда, когда мы виделись, мы крепко дружили, встречались каждый день. И сейчас Лялька узнала меня мгновенно. Я это увидел в её глазах. Она не стала приплясывать от радости и трубить «ура» во весь свой мощный хобот. Видно, не до того ей было, сил было мало. Просто по глазам её я увидел, что она меня узнала, и глаза её пожаловались мне. Она искала сочувствия у старого друга. Она похлопала ресницами и покачала головой, словно сказала: «Вот как привелось свидеться... Скверные, брат, дела...»

И всё-таки она сделала над собой усилие и, приподняв хобот, тихонько и длительно дунула мне в лицо.

— Узнала, — сказал Панаргин голосом, полным нежности. — Ну что за животное такое, девочка ты моя...

— Да, — сказал я, — узнала, милая.

И я вынул из пакета плюшку и протянул её Ляльке.

— Лялька, — сказал я, — на булку.

Она снова подняла свой слабый хобот. Дыхание у неё было горячее.

Я держал сладкую, пахучую булку на раскрытой ладони. Но Лялька нерешительно посопела и отказалась. Хобот её равнодушно, немощно и на этот раз окончательно повис над полом. Я прислонил пакет с булками к тумбе.

— Что такое, — сказал я, — еду не берёт... Температура, по моему.

— Ну да, — сказал Панаргин. — Простыла, наверно. Здесь сквозняки... Черти бы их побрали, устроили ход на задний двор, а дверь не затворяют, дует прямо по ногам, её и прохватило. Она же хрупкая. Не понимают, думают, раз слон, так она вроде паровоза. Всё нипочём — и дождь, и ветер... А она хрупкая!

— Кашляет?

— Да нет, не слышно, а дышит трудно.

— И давно она так?

— Да с утра. И завтракала неохотно. Я обратил внимание — плохо ест!

Я зашёл сбоку и стал обходить Ляльку постепенно, вдоль туловища, и прикладывал ухо к наморщенной и шуршащей Лялькиной коже. Где-то далеко внутри, как будто за стеной соседней комнаты, мне услышались низкие однообразные

звучи, словно кто-то от нечего делать водил смычком по басовой струне контрабаса.

— Бронхит, по-моему, — сказал я.

— Только бы не воспаление лёгких, боже упаси!

— По-моему, надо кальцекса ей дать.

— Ей встряска нужна, и согреть надо. Что ей кальцекс...

Вот так стоять и канючить он мог бы ещё до утра, потому что Иван Русаков привык до всего добираться собственными руками, и глаз у него был острый, хозяйский, а его помощники были людьми нерешительными, несамостоятельными — воспитал на свою голову. А теперь вот слонихе худо, а этот чудак маялся и робел, как мальчишка.

— Тащи ведро, — сказал я твёрдо и повелительно, — и пошли за вином.

— Во-во! И сахарку кило три! Сейчас, сейчас мы её вылечим... Не может быть — вылечим!

Он очень обрадовался тому, что кто-то взял на себя обязанности решать и командовать: ему теперь нужно было только подчиняться и возможно лучше исполнить распоряжение. Это было ему по душе. Он сразу почувствовал уверенность.

— Генка! — крикнул Панаргин.

И сейчас же перед ним вырос ушастый униформист.

— Что, дядя Толик?

Панаргин быстро сунул ему несколько мятых бумажек.

— Беги в гастроном, возьми вина. Да единым духом, пока не закрыли!

Генка убежал, а я взял ведро со стены и сказал Панаргину:

— Сходи, брат, в аптечку и что есть кальцексу и аспирину тащи сюда. Хуже не будет.

Он шагнул вверх: его длинные ноги перемахивали через четыре ступеньки сразу. А я подхватил ведро и пошёл в туалетную за кипятком.

Когда я вернулся к Ляльке, она приветственно шевельнула хоботом, и, честное слово, она выглядела чуть веселее, чем раньше. В её глазах была надежда и вера. Верно, я серьёзно говорю, в Лялькиных глазах сверкнула вера в человека, в дружбу, она поняла, что ещё не всё потеряно, раз вокруг неё бегают и хлопочут люди.

Я поставил ведро на пол и стал поджидать Генку и Панаргина. Хотелось мне помочь этой слонихе, очень хотелось. Я стоял так в полутёмной и холодной конюшне, и думал об этой больной артистке, и вспомнил, как однажды во Львове Ваня Русаков репетировал со своими животными.

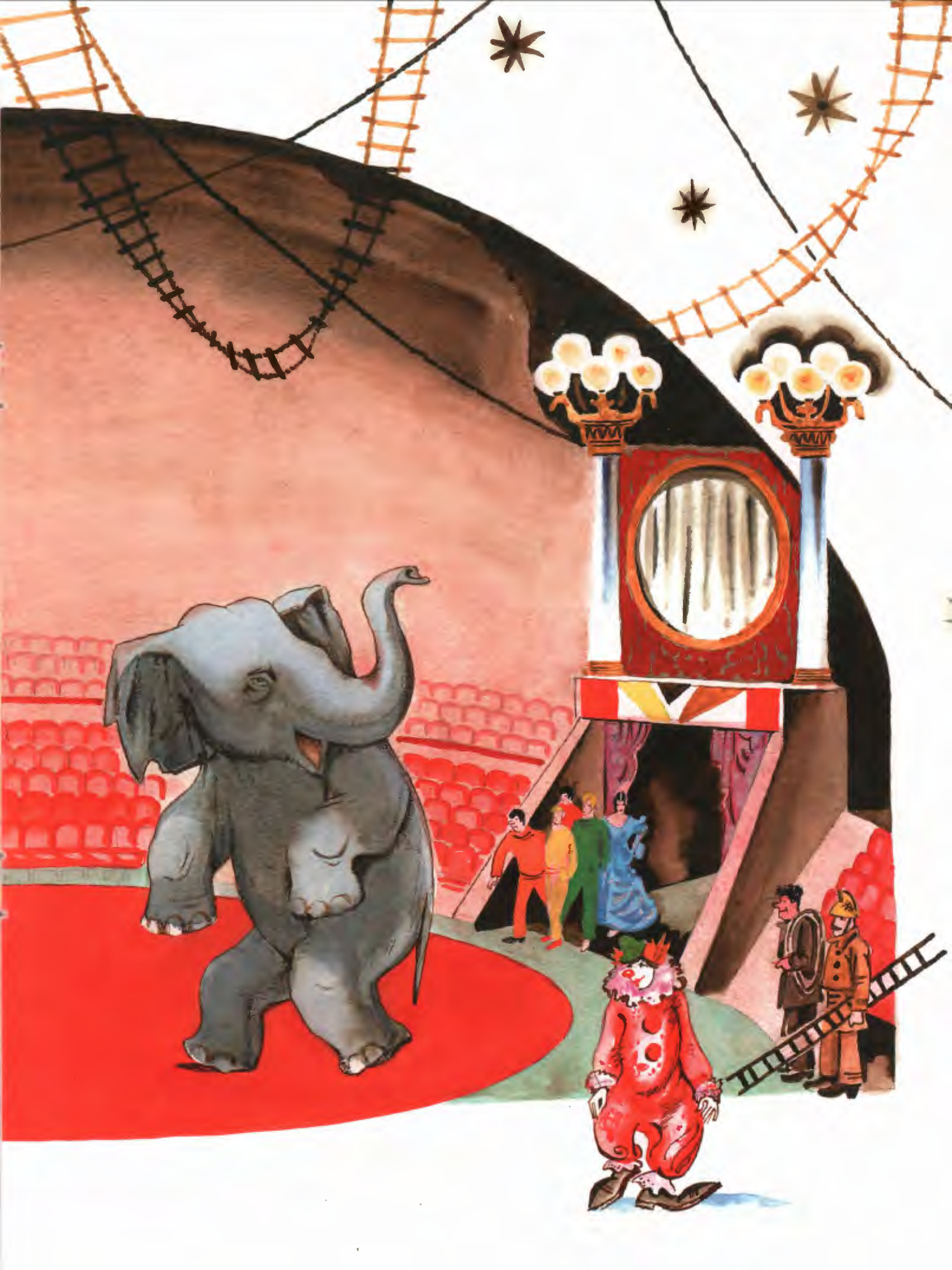
3

Лялька вышла на манеж весело и охотно, даже торопясь. Во всяком случае, походка, ритм всех четырёх её движущихся ног напоминал чуть-чуть неуклюжую, но всё-таки резвую рысь. Добравшись до середины манежа, слониха остановилась и стала весело раскланиваться, приподняв хобот и улыбаясь своим треугольным мягким ртом. Она поклонилась центральному входу с повисшей над ним площадкой оркестра. Потом повернулась налево и, не переставая улыбаться, поклонилась левому сектору и, наконец, проделала то же самое, повернувшись направо. Я сначала думал, что это она так дурачится от нечего делать и что это ещё не работа, но Русаков толкнул меня локтем и сказал:

— Смотри, смотри, что будет!

А между тем Лялька, не обращая на нас никакого внимания, подняла свою толстенную ногу — сначала одну, а затем

и другую, поставила их обе на стоявшую в манеже деревянную тумбу. Потом очень спокойно и деловито, сосредоточенно посапывая, она взобралась на эту, такую крохотную по сравнению с ней, площадку всеми четырьмя ногами. Здесь она аккуратно и педантично, одну за другой, проделала «стойку на трёх точках», «на двух» и, наконец, рекордный трюк — «стойку на одной точке». После каждого трюка она приветливо трясла головой, кланялась, как говорят в цирке — «продавала работу», и весёлая, обаятельная улыбка всё время не сходила с её, так сказать, уст.

Поработав на тумбе, Лялька сошла наземь и пошла по первой линии манежа. Изящная в своей чудовищной громоздкости, она вдруг начала вертеться вокруг собственной оси. Это был вальс, слоновый вальс, грациозно отплясываемый громадным серым чудовищем. Мне казалось, что слониха напевает про себя старинную мелодию, — так легко и непринуждённо она сама, без указаний дрессировщика, повторяла всю программу своего вечернего выступления.

В цирке было тихо. Униформисты застыли у выхода, свободные артисты набились в боковые проходы, контролёры и служащие, электрики и уборщицы, гримёры и пожарники — все, затаив дыхание, следили за весёлой, добродушной и добросовестной слонихой, так прилежно исполняющей на репетиции свой артистический долг.

Вдоволь повальсировав, Лялька три раза встала на «оф», то есть поднялась на свои стройные задние ноги в знак последнего приветствия зрителям, и, как будто неуклюже, но, в сущности, очень ловко развернувшись, двинулась на конюшню. Всею своей мешковатой рысью она изображала отчаянную спешку, цирковой темп и подъём.

Это была великая артистка цирка, я проникся к ней любовью и уважением. Мы познакомились и подружились с ней.

Д

4

сейчас я стоял в полутёмной холодной конюшне подле моей больной подруги и всем сердцем хотел ей помочь. Я постоял с ней ещё минуты три, потом прибежал Генка и поставил передо мной, прямо на пол, несколько бутылок вина. Я открыл их и стал выливать в ведро. Вино смешивалось с горячей водой, пар поднимался кверху. Слониха почуяла этот запах и издали протянула хобот к ведру. Сверху спустился Панаргин, он всыпал в ведро большую банку сахарного песка и из пригоршни прибавил таблеток тридцать кальцекса.

Я размешал всё это гладкой палочкой, которую протянул мне Генка. Слониха всё ещё тянулась к ведру. Я подошёл к ней, поставил ведро, и она стала пить.

— За ваше здоровье, мадам Лялька! — сказал Генка.

— Поможет, как думаешь? — спросил Панаргин. Его грызла тревога, он не мог сдержать себя. — Вот если бы помогло...

— Должно помочь, — сказал я. — Тебе бы помогло? Вот и ей поможет.

Слониха допила всё до конца и благодарно закрыла глаза.

Я сказал:

— Давайте тащите сена сюда, да побольше.

— Будь сделано, — сказал Генка и обернулся к Панаргину: — Пошли, что ли?

Панаргин скрылся, пошёл за сеном. Генка двинулся за ним. Я придержал его за плечо:

— Она теперь поспит. Слышишь? Ей надо укрыться потеплее, потому сена тащи, чтоб его по грудь ей было. Понял?

Слониха стояла и шамкала старушечьим ртом.

— Конечно, понял, дядя Коля, — сказал Генка. — Неужели же нет?

Из-за угла вышел мой старый цирковой друг Борис, за ним, конечно, следовал Жек, ещё один мой старый цирковой друг.

— Вот он где, — сказал Борис, — а мы ждём тебя.

— Куда столько сена? — строго спросил он у Панаргина.

Тот волочил на своей спине целую копну.

— Куда надо, — сказал я.

Панаргин сбросил сено у Лялькиных ног и стал его разбрасывать равномерными охапками. Видно было и Генку: он тащил сена поменьше, но зато бегом. Я вынул булочки из пакета и положил их на пол возле ног слонихи.

— Последись, Генка, — сказал я. — Ладно? Главное теперь — тепло.

— Без него найдётся кому последить, — сказал Панаргин ворчливо. — Только и света в окошке, что профессор Гена...

Я стал набрасывать Ляльке на спину сено и увидел, что ей хочется спать. Медленно и тяжело согнула она ноги и, убедившись, что на полу мягко и ей будет удобно, повалилась на бок. Мы стали укрывать её сеном.

— И попону можно, — сказал Борис, — делу не помешает.

Он обратился ко мне.

— Вот что, — сказал он, присев на корточки и тоже засыпая Ляльку сеном, — мы сегодня с Жеком совещались, чем тебя порадовать по случаю приезда. Решено: в первый же выходной день назначается чествование старого друга, друга юности, приехавшей знаменитости, в узком, но сплочённом семейном кругу. А сейчас ни ко мне, ни к Жеку нельзя: уже поздно, разбудим всех домашних. Так что гуляй до выходного! Приятных сновидений!

— Пока, — сказал я.

М

5

оя гардеробная была без окон. В ней было совершенно темно, но я не стал зажигать свет, я и так отличным образом нашёл свою постель. Цирк уже спал, тишина владела цирком, и только изредка ко мне сюда доносилось лёгкое весеннее погромыхивание, словно невдалеке собиралась освежающая первая гроза и для начала рассыпала по небу, раскатывала над полями первые громовые шары. Но это было не так: сейчас стояла осень, осенью гроз не бывает. И я отлично знал, откуда эти мощные звуки, долетающие сюда, под крышу. Я знал, что это Цезарь, царь зверей, старый, с plombированными зубами лев, плохо спит, мучимый ревматизмом. Сейчас он, бедняга, наверное, уснул, и ему снится

ростовский цирк — там было тепло и там у него осталась знакомая сторожиха. Он тосковал по ней.

Я положил руки под голову и уставился в темноту. Спать я не мог. Но постепенно в моей голове закружились и смешались разные обрывки из детских представлений, ёлочных спектаклей и цирковых пантомим. Это я уже засыпал. А ведь думал не спать, и вот поди ж ты — засыпал, несмотря ни на что.

Я лежал и представлял себе, как выступления пойдут одно за другим, а я буду всегда жить в цирке и никогда не уеду, потому что здесь высший смысл моей жизни. Сегодня и ежедневно.

Я надеваю парик, иду на манеж, дети смеются.

Я снимаю парик, иду в душ, сорок минут перерыва.

Я надеваю парик, иду на манеж, дети смеются.

Дети любят клоунов и слонов.

Я вскочил. Ну, сна теперь уже не будет. Я ясно вообразил себе, как спит сейчас под своим сеном несчастная, больная Лялька. Она лежит, и зябнет, и дрожит, и тяжёлые хрипы в её груди делают своё страшное дело...

Ничего не видя, бежал я по цирку, представляя себе самые ужасные картины...

Н

6

ичуть не бывало! Слониха встретила меня, стоя на ногах, с весело и задорно приподнятым хоботом! Она покачивалась взад и вперёд, словно разминая уставшие мышцы.

Увидев меня и сразу признав, Лялька торжествующе труба-нула. В эту минуту многие в ужасе заткнули уши — и животные, и люди. Я подошёл к ней, и слониха обняла меня хоботом за шею и притянула к себе. От неё пахло сеном и цирком. Я люблю её, я люблю этот родимый запах, поэтому я обнял её, широко раскинув руки, чтобы побольше захватить не-объятного её лица.

Мы так постояли немного, обнявшись, потом Лялька повернула меня к себе спиной и несильно толкнула вперёд.

Я вспомнил про булочки и поглядел на пол, куда положил их вечером. Булочек не было. Ни одной. Я оглянулся и сказал: — Ай, браво! Всё съела?

Лялька не обратила на этот вопрос никакого внимания и снова хоботом толкнула меня.

В чём дело?

Я не понимал её и поглядел в ту сторону, куда двигала меня Лялька. Оттуда шёл какой-то запах. Я сделал несколько шагов и увидел ларь. Вот оно что! Я сразу всё понял и открыл его. Он был доверху набит свёклой и морковью.

Слониха хотела есть! Она была здорова и хотела есть! Как я сразу не догадался!

Я набрал корма и стал таскать его и складывать у Лялькиных ног. Она занялась едой. Всё было в порядке.

Я стоял с ней рядом, и она снова трубанула. Я сразу понял смысл этого короткого и полного звука:

«Пусть всегда пляшет удивительная кавалькада радости и счастья жизни!»

И я подумал ещё:

«Мы всегда идём впереди со своими хлопушками и свистульками, мы, клоуны, паяцы и увеселители, и рядом с нами прекрасные, весёлые слоны».

Дети любят клоунов и слонов.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Д72

Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста

 Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.

Виктор Юзефович Драгунский
СЛОНИХА ЛЯЛКА

Иллюстрации Игоря Алексеевича Кононова

© Драгунский В.Ю., наследники
© Кононов И.А., иллюстрации, наследники
© Издательство «Мелик-Пашаев», 2016

Руководители издательства Татьяна Руденко и Мария Мелик-Пашаева. Редактор Виктория Затолокина.
Корректор Ирина Москаленко. Цветокоррекция Анны Ополченцевой. Вёрстка Ольги Боловинцевой

Подписано в печать 18.01.2016. Формат 60 × 90/8. Тираж 5000 экз. Заказ № 19

Издательство «Мелик-Пашаев», www.melik-pashaeu.ru

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»
127055, г. Москва, ул. Суцёвская, д. 21, www.verge.ru

Печатается по изданию:
Виктор Драгунский. «Слониха Лялька». Издательство «Детская литература», 1970

ISBN 978-5-00041-189-6

9 785000 411896

